

НАШЕ ВРЕМЯ SECOND-HAND

Святлана Алексіевіч — лаўрэат Нобелеўскай прэміі па літаратуры. Уласна сам факт таго, што беларуская пісьменніца атрымала Нобеля, — вялікі гонар для нашага народа. Праўда, як і ў любой бочцы з мёдам, ёсць тут і лыжка з дзёгцем. Нават дзве лыжкі... Некаторыя закідаюць Алексіевіч яе рускую мову. Іншыя пішуць, што ёсць або былі на Беларусі і куды больш вартыя творцы — той жа Быкаў, Адамовіч, Караткевіч, Барадулін, Бураўкін, Гілевіч... Магчыма, і так... Але Нобель усё ж у Алексіевіч. І мы вініруем беларусаў з гэтай перамогай. Але ці толькі беларусаў? Алексіевіч неаднойчы падкрэслівала: я пішу пра савецкіх людзей. Пра савецкіх людзей напісаная і яе апошняя, бадай што самая гучная, самая

бескампрамісная кніга пад назваю “Час сэжэн хэнд”. “Мы ўсе нашчадкі або катаў, або ахвяраў. І менавіта гэта — галоўная прычына ўсіх нашых страхуў, фобій, усіх нашых жарсцяў і ўсіх нашых пакут”. Менавіта так сфармулявала Святлана Алексіевіч прыроду савецкага чалавека, маючы на ўвазе рэпрэсіі 30-х гг. Ці мае яна рацыю? Магчыма... Але вось што мяне сапраўды непакоіць: калі мы кажам “савецкі чалавек”, то чамусьці маем на ўвазе некага абстрактнага, ледзь не іншапланетніка. А гэта ж не так... Бо савецкія людзі — гэта нашы дзядулі і бабулі, нашы бацькі, зрэшты, мы самі — таксама збольшага савецкія... Нават самыя маладыя з нас. Кніга Алексіевіч — гэта маналогі тых, хто памятае СССР. Часам, гэтыя

маналогі-споведзі здольныя напаляхаць нейкай асаблівай аголенасцю. Але істотна не гэта... Пры чытанні прозы Алексіевіч увесь час узнікае сумненне: а наколькі ўсё гэта праўда? Бо праўда не можа быць гэткай аднабаковай і гэткай пачварнай...

Дадзены праект студэнтаў-журналістаў ні ў якім выпадку не мае на мэце распачаць з Алексіевіч палеміку. Тут іншае... Ёсць жаданне паслухаць уласных бацькоў, дзядуль, бабуль. Ёсць жаданне паглядзець на Савецкі саюз вачамі родных людзей. Маем надзею на тое, што гэтыя маналогі нікога не пакрыўдзяць і тым

больш не напалохаюць. Іх аўтары імкнуліся быць шчырымі. Маем надзею таксама на тое, што ў гэтага выдання будзе працяг.

Віталь Еўмянькоў

Светлана Алексиевич условно разделила нас, живущих в постсоветском пространстве, на внуков «карателей» и «жертв». В своей семье никаких подобных историй я не слышала. Да и в Сталина моя бабушка, судя по ее рассказам, никогда не верила. Он не был для нее символом светлого будущего, не был вообще чем-то значимым. Бабушка, Елена Никифоровна, родилась в 1934 году. Мать ее была знахаркой, а отец ушел из семьи, оставив 9 детей. Бабушка сменила кучу работ – была крановщицей на заводе, работала на лентоткацкой фабрике, потом была медсестрой. В 60-е годы, когда они с бабушкой, Леонидом Францевичем, поженились, жили очень бедно. Никаких историй о репрессиях она не рассказывала. Зато расска-

зывала, например, как одно время – особенно голодное – дедушкин друг и, соответственно, друг семьи «незаконным образом добывал» на мясокомбинате колбасу и приносил бабушке. Потому что нечем было кормить двоих детей. Работать приходилось много, чтобы выжить.

А то, что в нас живет страх повторения страшных событий того времени – это правда. Только этот страх бессознательный, проявляющийся в мелочах. В тихом темном ужасе перед талонами на еду тех, кто их никогда не видел – детей моего поколения. В контексте данного глобального явления – распада СССР и, соответственно, распада всех надежд, внушенных и навязанных его гражданам, – такие страхи абсолютно нормальны.

Мои родители – советские люди..

Мои родители помнят вкус газировки из автомата и знают, как пахнет настоящая докторская колбаса.

– Брежневские годы – самое лучшее время, – любит повторять моя мама. – Знаешь, сколько всего на рубль можно было набрать? А теперь в магазине и с сотней тысяч рублей делать нечего.

Но дело, конечно же, не в деньгах. Брежневские годы – это время маминой молодости. Моя мама стала шестым ребенком в семье. Ее назвали Надей в честь сестры-первенца, которая умерла от воспаления легких. Однажды утром бабушка прибежала с фермы и поспешила покормить малютку, не разогрела грудь после мороза. Доярки в то время не уходили в декретный отпуск. И считали, что это нормально. Мой отец

лишился старшего брата, когда тот был ещё совсем малышом. Он умер от желтухи. Бабушка тяжело переживала смерть своего первенца и, когда спустя 3 года симптомы этой болезни стали проявляться у младшего сына, немедленно отвез-

ла его в больницу. С тех пор у папы осталось одно яркое воспоминание – как он в больнице ест мёд боль-

шой ложкой. Он больше месяца лежал в инфекционном отделении, маму к нему не пускали. Они могли видеться через окно. В это же окно, через форточку, мама передала ему литровую банку мёда и сказала, что он выздоровеет, когда съест весь мёд. И мой папа ел. Он хотел жить.

Сама бабушка принадлежала к тому поколению, когда слабые и больные вообще не выживали. У её родителей из десяти детей в живых остались только четверо: она сама, её сестра и два брата. Оба брата сражались на фронте во время Великой Отечественной, оба были ранены. Живыми и почти невредимыми, победители вернулись домой, где их радость омрачило страшное известие: умер отец. По возрасту моего прадеда не могли взять в армию, и он ушёл в партизаны. В одной из перестрелок получил немецкую

пулю в живот, да так с этой пулей и остался. Мучился больше года.

Когда война закончилась, будущее

зволили заслужить уважение среди ровесников, а яркие голубые глаза и острый ум вскружили голову не

одной красавице. Среди них была и моя бабушка.

Я не помню своего деда, он умер, когда мне было два года. В деревне рассказывали, что он был честным и порядочным человеком. Но тогда, будучи двадцатилетним парнем, Женя очень растерялся, когда узнал, что у них с Лидой будет ребёнок. Испугался. Хотел даже сбежать, но его мама сказала твёрдо: «Сироту в обиду не дам!». Моя прабабушка знала, каково это – одной растить ре-

бёнка. Когда во время коллективизации бандиты убили её мужа (мой прадед был председателем), она осталась одна с двумя малолетними сыновьями на руках. Для Жени и Вани она стала самым близким и дорогим человеком. Братья очень уважали свою маму и во всём её слушались. Так что Женя женился...

Смерть ребёнка стала для него сильным ударом. Даже бабушка отнеслась к этому спокойнее. Говорила так: «Бог дал – бог взял». А дед Женя не верил в Бога. Он был коммунистом. Более того, он был

ярый коммунистом и всегда отстаивал свои взгляды. На кухне или на партсобрании – не важно. С выражением читал доклады для односельчан, спорил с младшим братом до хрипоты, что при Советах жить лучше, чем при царе. Стремился во всём быть примером и того же требовал от членов своей семьи.

летку в родной деревне. Пришлось идти в другую школу. Всё бы ничего, вот только один из учителей в той, другой школе, однажды оставил мою маму после уроков и стал распускать руки. Надя была скромной и кроткой девушкой, но на приставания учителя ответила звонкой пощёчиной. Учитель страшно раз-

Однажды бабушка взяла горсть колхозного зерна, чтобы покормить домашних птиц, так дед накричал на неё и заставил высыпать всё назад. Мой дедушка хотел быть тем самым «советским человеком», о котором говорил главный герой в фильме про лётчика Маресьева. «Я же советский человек!» – повторяла моя мама, замерзая на стройке в Архангельской области. После девятого класса с подружкой за кампанию она поступила в строительное училище на маляра. Ей было всё равно, куда поступать – лишь бы не возвращаться в школу. Вообще, мама хотела работать в полиграфии, но там сказали, что нужно образование 10 классов. А мама окончила восьми-

гневался, вызвал в школу её отца. Наверное, хотел отомстить, но вышло как раз наоборот: мой дедушка быстро догадался, в чём дело, и поддержал дочь. Но осадок, как говорится, остался. Мама закончила девятый класс и уехала в Минск. В училище была жёсткая дисциплина: никаких прогулок после девяти вечера, никаких поездок домой на выходные без письменного разрешения. Регла-

ментировалось всё вплоть до длины юбки и способа заправлять постель. Разного рода доносы здесь поощрялись, а главной доносчицей была староста. Мамину группу курировала самая строгая во всём училище мастерица, которая не стеснялась бить шпателем по нежным девичьим пальчикам, если эти пальчики неправильно держат инструмент. Зато их группа всегда занимала первое место в соцсоревновании. А по окончании обучения почти всю группу отправили работать на север. В медпункте медсестра предлагала маме написать справку

о том, что она не может работать там по причине хронической ангины. Мама возмутилась: всю группу туда отправляют, а я что, лучше всех? Они приехали в те края, где лето бывает всего три недели в году, а зимой на улице запросто можно встретить белого медведя. Молодых строителей поселили в каком-то сарае без намёка на отопление. Спали в верхней одежде, под двумя одеялами. Работали до изнеможения, потом мылись, отдыхали, шли на танцы или играть в волейбол. На ужин – сгущёнка с батоном и чаем. Потом спать. А просыпаясь по утрам, мама видела иней на стенах. Спустя 18 лет ей пришлось пройти ад, чтобы родить меня.

Тем временем папа учился в Горьковской академии на инженера. В том, что он станет инженером, никто не сомневался: интерес к технике проявился у него в раннем возрасте. Папе было четыре года, когда он разобрал бабушкины часы – подарок деда на сваты. Через несколько лет на чердаке вместе с младшей сестрой и другом Витей пытался собрать машину. А ещё через пару лет в паре с Витей смастерил пистолет. Тогда все играли в войнушки – и девочки, и мальчики. Игрушек практически не было, зато можно было легко найти патроны – после войны их осталось предостаточно.

Пистолет развалился после первого же выстрела. Взрыв пороха оказался мощнее, чем предполагали подростки: ствол просто сорвало. Кровь, дым... у Вити – синяк на груди, у папы – рассечённый ноготь мизинца. Им ещё повезло: один мальчик из их деревни нашёл грана-

ту и бросил её в костёр. Думаю, не стоит рассказывать о том, что осталось от этого мальчика. Итак, папа хотел стать инженером. Закончив с отличием десять классов, он поехал поступать в Гомель. Не поступил. Физику и математику сдал на «отлично», но всё испортила тройка за сочинение – пропустил несколько запятых. А может, просто не было блата. Папу забрали в армию. Служил на Северном Кавказе, в городе Орджоникидзе. Это так далеко, что вместо ёлки на Новый год там ставят сосну, а на поезде туда нужно добираться двое суток. В армии папу отучили курить и научили обращаться с оружием.

Жили по уставу, потому что иначе нельзя, когда пули в горах свистят. Солдат приучали отвечать не только за себя, но и за своих товарищей. Например, время на кроссе засекали по последнему прибежавшему, и, чтобы уложиться, отстающих солдаты тянули на ремне.

После армии папа поступил в Горьки. Первый год жил на квартире. Чтобы получить общежитие, стал комсоргом и научился играть на мандолине. Жизнь в студенческом городке была интересной. Уже никто не ругал за брюки клёш и причёску «а-ля битлз». «Битлами», кстати, были увлечены все. Ночами при помощи лака для ногтей клеили зажёванные до дыр магнитофонные ленты, а потом слушали их на новеньком магнитофоне, который кто-то из ребят по дешёвке купил у африканского принца. А ещё путешествовали по выходным. Билет на поезд стоил копейки – скидка студентам была 50%. Это были лучшие годы.

Мама лучшие свои годы провела в Украине. Отработав положенный срок на севере, она с радостью откликнулась на предложение старшей сестры погреться на берегах Чёрного моря. После «северной ссылки» Одесса показалась ей настоящим раем. Тёплый климат, обилие овощей и фруктов, большой выбор одежды, в том числе,

заграничной и хорошо оплачиваемая работа в оранжерее – условия были идеальными. Но через пять лет мама всё же уехала в Могилёв. Соскучилась по Беларуси.

В тот год взорвалась Чернобыльская АЭС. Взрыв будто бы возвестил: лучшее время закончилось. Родная деревня моих родителей была отравлена радионуклидами. Бабушка плакала, ругала маму за то, что она вернулась в такое время. Люди бежали в Минск, бежали просто подальше отсюда. Сельчане смотрели в будущее не с надеждой, а с ужасом. Вдруг оказалось, что та жизнь, которая была раньше – это просто блеф. Но что дальше? Перестройка, свобода, гласность – никто в деревне толком не знал, что это такое и с чем его едят. Все были такими же, как наша соседка баба Нюра, которая ела с батонком зубную пасту из немецкой гуманитарки.

В годы дефицита папа ездил в Литву. Там у него были друзья, которые могли кое-чего достать. Из одной такой поездки он привёз большую коробку конфет в яркой упаковке с рисунком. Занёс девчатам в контору: «Ну что, может, к чаю?». Те замахали руками: нет, такая коробка красивая, жалко! Долго рассматривали эту коробку, потом решили, что откроют на следующей неделе, когда начальство приедет с проверкой. Спустя некоторое время папа снова зашёл в контору и увидел, что коробка стоит в шкафу за стеклом. Спро-

сил, почему до сих пор не открыли. Девушки объяснили, что конфеты съели во время проверки, как и планировали, а коробку в шкаф поставили для красоты. Конфеты, кстати, были невкусные. С тех пор папа не доверяет красивым упаковкам.

Во время развала Советского Союза моя мама работала на обувной фабрике. Она была прекрасным работником и каждый месяц получала премию. Некоторые завидовали, даже жаловались мастеру. А мастер им отвечала: «Станьте на её место,

если справитесь – вам тоже дадут премию». И жалобщики тут же замолчали, потому что мама выполняла сразу три операции. Когда она уходила в отпуск или на больничный, на её место ставили трёх работниц. А потом было время, когда зарплату выдавали обувью. После работы мама шла на рынок и продавала её. Пару женских сапог оставляла себе. И ещё детскую бую. Её всегда умиляли эти крошечные ботиночки и сандалики. Думала, что оставит их своему будущему ребёнку. Но в результате подарила племянникам.

Время секонд-хенд... так ли всё однозначно? В прошлом моих родителей есть и счастливые, и грустные моменты. Я согласна, что больше грустных. Но выбросить на помойку время, в котором мои родители были счастливы, уничтожить идеи, в которые свято верил мой дед, и считать напрасной смерть прадеда было бы как-то неправильно. В одном я абсолютно согласна с Алексиевич – наш народ вынес много страданий.

И у меня есть свой ответ на её вопрос о том, почему эти страдания не превращаются в свободу.

Все мы – советские люди, потому что воспитаны советскими людьми. Каждый советский человек в глубине души убеждён, что в жизни всегда есть место подвигу. Подвиги совершают герои, а герою страдания необходимы. Мы страдаем, потому что каждый из нас хочет быть героем. Как Маресьев.

Мои родители – выходцы из рабочих семей. Про свою советскую молодость говорят просто: «Все было, как у всех». Да и фразу «а вот в наше время» я от них не слышала. Но если заставить их поворошить воспоминания, то всегда можно узнать парочку интересных историй. В 80-е родители были не то, что молоды, а вообще – малы, ходили в школу, сад... А вот 90-е и студенческая молодость моих родителей была куда разнообразнее. До начала Перестройки родители много путешествовали. Помню, мама рассказывала, как за год успела побывать в Болгарии, Дагестане и Литве, а в Польшу они вообще катались раз в месяц,

если не чаще. Чтобы накопить на свадьбу, мама возила в Польшу на продажу белорусский трикотаж, а обратно привозила джинсы, кожаные куртки и другую модную заграничную одежду, которую, по ее словам, раскупали мгновенно. Родители праздновали свадьбу дома. Рестораны были роскошью, а после свадебное платье мама сдала в комиссионку. Кстати, в то время это было популярное место, а у нас воспринимается как «фу» и «фе».

В конце 90-х папин брат решил стать бизнесменом и приобрел палатку на местном рынке, где торговали разной дефицитной канцелярией, с которой потом мои родители умудрились отправить

меня в 1 класс. Хватило дядю на несколько поездок в Минск за товаром. А потом вся эта мелочь валялась по углам. Увы, отсутствие коммерческой жилки досталось всем носителям нашей фамилии.

Про сложную экономику родители говорили так: «Ну, да – очереди, ну, да – по талонам». Я не слышала ни одной истории про многочасовую очередь, но наслушалась про блат, связи и льготы. Чтобы начать бизнес, нужны связи, чтобы ребенок ходил в сад, нужен блат, чтобы получить что-то лучшее, чем у других, нужны льготы. Отец хвастался крутыми новогодними подарками и

новеньким дедушкиным запорожцем, который на их улице был один единственный, а это все потому, что дедушка – Герой Социалистического Труда и почетный работник Академии. Тогда это давало большие льготы, например, на получение квартиры. Мама как-то призналась, что ее отец очень гордился своей работой тракториста и передовым на тот момент совхозом. Сразу после распада СССР жизнь у родителей не изменилась, они по-прежнему стояли в очереди на квартиру и по-прежнему ездили торговать. Правда, не трикотажем, а молочной продукцией. И не в Польшу, а в Смоленск.

Мои родители сожалеют по сей день, что СССР больше нет. «Раньше можно было без проблем в Чехию съездить, в Грузию да и много куда. А что теперь – визы, дорожные билеты...», – рассказывает папа. У мамы свои воспоминания. Она прекрасно помнит питание по талонам, огромные очереди в магазин и опустошённые прилавки. «Как-то с мамой мы пришли в комиссионный магазин. Мне понравились туфли. А мама сказала, что когда-то точно такие же туфли она купила... за кровь. Донором была, чтобы выжить. А ты-то зачем кровь сдавать идёшь, денег мало что ли?», – ругается мама. Но это всё воспоминания моих родителей. Бабушки рассказывали мне не столько о Советском союзе, сколько о Великой Отечественной войне. Так, например, Ольга Андреевна (мамина мама) была фельдшером. Ей было 19, когда она попала на фронт. Она вспоминала, как на своих плечах тащила с поля боя раненых, как переправлялась через Волгу с солдатами, хотя не умела

плавать. Но о Сталине она отзывалась с теплотой: «Только благодаря ему мы одержали победу. Он – великий! Его голос вдохновлял нас!». И, к слову, бабушка не вспомнила ни одного предателя – не довелось с такими встретиться. Зато Евгения Ивановна (мама отца) поведала о другом: «Нас предал староста деревни – сказал, что папа помогает партизанам. Отца повесили. А мы с мамой то и дело где-то прятались». После того, как война закончилась, Евгения Ивановна поступила в медицинский колледж в Могилёве. Денег даже на доро-

гу не было, поэтому расстояние в десятки километров приходилось преодолевать пешком. Я не знаю, о каком Советском союзе рассказывала в своих книгах Светлана Алексиевич, ведь моя жизнь на-

чалась уже после его распада. Всё, что мне известно – воспоминания родственников. Кто я – потомок жертвы или палача – сказать однозначно не могу, ведь кто-то страдал, а кто-то – наслаждался жизнью.

Бабушка и дедушка встретились в 1965 году. Многие считают, что это было тяжёлое время. Но, знаете, так не считала моя бабушка, для неё это были лучшие годы. История их любви была непростой. Бабушка была православной и росла в очень религиозной семье. Дедушка был баптистом, и его родители также были очень религиозными. Когда они встретились, то оба понимали, что их союз невозможен, однако ради любви пошли наперекор своим семьям. Они поженились и прожили долгую счастливую жизнь. Они вырастили и воспитали 6 замечательных детей. Жили не бо-

гато, но и не бедно – всего хватало. У них было большое подсобное хозяйство, работали много, но всегда все делали вместе. Так и жили. Я считаю, что совершенно не важно, в какое время, в каком государстве и при каком правительстве ты живёшь, самое главное – зависит от тебя самого. Если ты хочешь чего-то достичь, то надо встать и пойти что-то делать. А не сидеть и жаловаться на жизнь. Кстати, до последних дней своей жизни бабушка и дедушка остались верны каждый своей религии. И это не мешало им любить друг друга, а их дети сами решали, в кого и как верить.

На мае абурэнні, кшталту, “як жыць далей?”, маці заўсёды казала: “не грашы, ты яшчэ маёй маладосці не бачыла!”. Гэта былі 90-я... Маці, скончыўшы тэхнікум, пайшла вучыцца на завочнае ў БДЭУ. Памятаю, яна распавядала пра тое, як цяжка было што-небудзь купіць. У краме – пустыя паліцы. У Мінску, нягледзячы на тое, што горад буйны, – тое ж самае. Праўда, калі выдужаеш у чарзе гадзін 5 – 6, што-небудзь ды купіш. Так мама прастойвала ў чэргах амаль увесь вольны ад вучобы час. Усё дзеля таго, каб прывезці пачастункі дадому. Там яе чакалі дзядуля з бабуляй, малодшая сястра і я (яшчэ зусім маленькая). Аб нялёгкім жыцці мне не раз распавядала дзядуліна сястра, баба Люся. Калі гутарка даходзіла да гэтай тэмы, яна не стрымлівала слёз. Люся была ў сям’і старэйшая. Дзядуля ж быў самым малодшым.

Ён нарадзіўся 12 чэрвеня 1941г. Праз дзесяць дзён – вайна. Бацька іх загінуў у першы год вайны, узарваўся на міне, калі ехаў на кані дадому. Іх мама, мая прабабуля Марыя, засталася адна з трыма дзецьмі на руках. Быў жудасны голад. Жылі ў глушы, сярод лесу. “Мне на той час было сем гадоў”, – распавяла баба Люся. Яна, як старэйшая, дапамагала маці глядзець за сястрой і братам. З гораў папалам, перажылі тыя страшныя ваенныя гады. Здавалася, з кожным годам станавілася ўсё лягчэй. Няхай ежы і не хапала, але затое мірна ўсё было. І агарод саджалі і гаспадарка свая была. Хто працаваў – той у вёс-

цы пражыць мог. Усё было сваё, без “хіміі”. Таму і дзетка здаровыя раслі. Бабуля мая нарадзілася ўжо пасля вайны. Жылі яны таксама ў вёсцы. Цяжкія гады былі. Трое дзяцей трэба было пракарміць і апрануць. Працавалі яны з дзядулем у калгасе. Дадому прыходзілі позна. Хутка елі і збіраліся спаць, таму што раніцай даводзілася рана прачынацца. “Бардак быў, усе чагосьці чакалі – калі ўжо што-небудзь ды наладзіцца. Крыху лягчэй стала, калі Брэжнеў прыйшоў. Сякая-такая стабільнасць з’явілася, усе на штосьці спадзяваліся. Ды і ў раён можна было з’ездзіць, каб дзяцей апрануць і з ежы што купіць. Карацей, не перадаць словамі! Дай Божа, каб ні вы, ні вашы дзеці, унукі, праўнукі такога не бачылі. Вам на цяперашні час крыўдзіцца не варта... Усё ёсць, мірнае неба над галавой, а астатняе магчыма пераадолець”.

Тусклый свет падает на седую голову. Трясущимися руками женщина перебирает кучу желтой бумаги, на каждой – печать и подпись. «Тётка привела меня за руку на витебский завод «Знамя Индустриализации», положила мою ладонь в руку начальника со словами: «Научи её работать честно и справедливо!», – так начинается свой рассказ моя прабабушка по материнской линии. Из её слов я уяснил одну простую истину: некоторые вещи остаются всегда неизменными. Речь о связях – во все времена они ценнее золота. «Моя тётка была знакома с этим самым начальником: в военное время они вместе работали при штабе. Маму мою в 1960-х арестовали. Аня звали её. Отсидела срок в Магадане... Сам чёрт не помнит за что. Это было тяжёлое время для нас, детей», – бормочет она. Бабушка моей матери родом из Витебска. Она – 1929 года рождения. В 1950 году родила сына Сашку. Муж её, носивший царскую фамилию «Романов», по неизвестным причинам покончил жизнь самоубийством. «Милый мой, милый!», – произносит она и дрожащими сухими губами целует фотографию.

Мне сложно писать о своей семье, так как она у меня на редкость маленькая: я и мама. А вообще, родственников у меня много: дядя, тётки, двоюродные братья и сестры, племянники. Ещё – две бабушки. Когда знакомые берут в руки мой телефон и заходят в раздел «Контакты», у всех без исключения округляются глаза: «Откуда у тебя в телефоне бабушка Сталина?» «Да не Сталина, а Сталина», – смеюсь я. «В честь вождя назвали?», – грозно спрашивают бабушку в поликлинике, куда она ходит очень редко. Кстати, такое необычное имя она получила в честь города Сталинград, на пути в который она родилась. Это был 1941 год, и от смерти не был защищён никто. Однажды бабушкина мама, Валентина Андреевна, стояла в очереди за билетами, чтобы уплыть на пароходе в Новосибирск к брату. За одного человека до неё заканчиваются билеты. Огромный багаж, двухлетняя дочка и пароход, который увозит с собой последние шансы на спасение. В ту же секунду небо озаряет взрыв, и пароход, на котором по воле случая не оказалась маленькая Сталина с матерью, превращается в щепки. Уже потом, через много лет к бабушке придут серьезные дяди в костюмах и предложат поменять имя. Сталя, Сталинка – так мы, любя, зовем бабушку, и я не представляю, что ее могли бы звать по-другому.

Вторая, но не по значению, бабушка родилась уже после войны. В 16 лет она стала сиротой,

закончила ПТУ на маляра-штукатур. Вся жизнь бабушка работала на стройках и заводах. Вы когда-нибудь вешали шторы? Если да, то вам знакома эта боль в руках от долгого держания их вытянутыми. Так вот, Тамара Владимировна работала, держа руки навесу, больше 40 лет. В этом году нам с трудом удалось «выгнать» ее на пенсию. Вот кто человек старой советской закалки! Хотя я не могу назвать ее старомодной. Она лихо управляет с электронной книжкой, умеет писать «см-ски», а в ее гардеробе джинсов больше, чем у меня. Я не спрашивала, скучает ли она по СССР. Ответом на этот вопрос служит одна история. 31 декабря, 1986 год, бабушка чистит картошку. Старшая Оля помогает маме, средний сын Толя читает книгу, а младший Дима капризничает и всё повторяет: «Когда мы уже поедем в Ленинград?». Бабушкино терпение имеет границы: она бросает нож в мойку и поворачивается к детям: «Собирайте вещи, мы едем в Ленинград!». Для справки, сегодня, чтобы поехать в Санкт-Петербург, нужно за месяц покупать билеты, особенно перед Новым годом.

Я первая её внучка и, когда я родилась, она сказала моим родителям: «Я своих троих вырастила сама, без помощи других, вот и вы свою вырастите». Кому она это говорила! «Что ж вы за родители, у вас там ребенок плачет!», – ругалась бабушка, а папа с мамой играли в «Денди» (очень популярная забава того времени). Мои родители – пример настоящей любви. Познакомились они в

детском кафе с дешевыми тортами. Маме было 18, а папе 22. Когда папу призвали в космические войска (звучит как сказка, но такие правда существуют!), мама поехала с ним в Москву. Она – с медицинским образованием, а продавала на улице пирожки. Он работал водителем и охранником у депутата. Папа рассказывал, как однажды во дворе машина загрохотала им дорогу. Он подошел к авто, в котором сидела маленькая старушка и вязала. «Вы бы, бабуля, машину отогнали, а то проехать нельзя». – «Хорошо, внучок», – ответила ему актриса Лия Ахеджакова. Папа никогда не рассказывал маме о своей работе, и, к сожалению, уже не расскажет. Но через несколько лет после переезда в Беларусь он признался, что по ночам приходилось латать машину в автосервисе от пуль, полученных днем. Папа с мамой возили на продажу в Смоленск сметану, ловили рыбу, чтобы заработать на свадебное путешествие в Санкт-Петербург. Однажды маме достались талоны на осенние сапоги, и счастью семейному не было предела. Это были лихие 90-е, они выживали, как могли.

Глубоко историю своей семьи я не знаю. Прабабушка моя по материнской линии, Татьяна, умерла за месяц до моего рождения. Она – с 1909 года. А прадед по той же линии умер задолго до Татьяны. Видел его фото – сухой старичок с огромными усами, которым мог бы позавидовать сам Будённый. Он – с 1905 года. Род занятий их я не знаю. Никогда не интересовался. А вот более близких родственников, родителей моей мамы, помню хорошо. Бабушка Надежда ещё жива. Она – с 1932 года. Сейчас она – седовласая сгорбленная старушка. Если увидеть фото бабушки в молодости, то можно понять, почему дед взял её в жёны. Глупо будет описывать её внешность, всё равно ведь всем. Работала она в колхозе. Всю жизнь. А кем – я никогда и не интересовался. Работала и работала. С дедом, Иваном, ситуация интереснее. Он – с 1927 года. Умер совсем недавно. Помню его рассказы о раннем детстве, школе.

Приходилось ежедневно преодолевать 10 километров – 5 туда и 5 обратно. А дома ведь ещё и хлопоты... Несмотря на это, дед мой учился отлично. Я видел его чудом сохранившийся аттестат. Там, кажется, даже четвёрок нет. В 1945 году ему исполнилось 18. Родись он, скажем, в 1925 году, и не на оккупированной территории – попал бы на фронт. Но 1945 – не 43, тогда восемнадцатилетних берегли. Дед служил в танковых войсках, на Т-34. Всегда любил рассказать про эту «стальную ласточку», но сейчас речь не об этом. В хрущёвские и брежневские времена дед работал главным инженером колхоза. Как мне недавно рассказали, колхоз

тот был большим – объединял, кажется, 9 деревень. Помимо этого, дед возглавлял колхозную партийную ячейку, выписывал газеты. В доме всегда были «Правда», «Известия». Дед верил в идеалы коммунизма, он не понимал, как можно жить иначе. Часто можно заметить, что представители старшего поколения являются сторонниками «сильной руки». Мои дедушка и бабушка – не исключение. Возможно, это связано с тем, что репрессии никак не коснулись моей семьи,

нужь к семье. Продолжу материнскую линию.

Бабушка и дедушка поженились в 1953 году, уже после смерти Сталина, кажется, в октябре. В последующее десятилетие у них родились дети – Людмила, Иван, Олег и моя мама, Клавдия. Кажется, все вышли «в люди». Никто выдающимся не стал, но на «дно» не опустился. Каждый из детей Надежды и Ивана создал семью, родил детей. Родственников своих я не очень люблю, кроме мамы, разумеется. Её юность совпала с

возможно – с тем, что они жили в очень интересные эпохи и им есть, с чем сравнить. Сталин – жёсткий и непреклонный вождь. Хрущёв – с его разоблачением Сталина и «Оттепелью», которую лучше всего назвать «слякотью». Это были, по выражению Ахматовой, «вегетарианские» времена. Затем – Брежнев и, так сказать, «Застой». А потом – Горбачёв и, так сказать, «Перестройка». Стоило лишь чуть ослабить гайки – и получается результат, который всем известен. Как сходятся многие историки, система просто не была заточена под реформы. СССР в том виде, в котором он был создан, – или есть, или его нет. Но речь не об этом. Пусть разбираются историки. Вер-

СССР. Иногда мне кажется, что она не против вернуться назад, и молодость тут не на первом месте. Тогда каждый знал свой путь. Каждый знал, что займёт своё место в обществе. И в этом плане, как ВСЕ говорят, та система была довольно хороша. Рабочего уважали точно так же, как инженера, инженера – как академика. Рабочего уважали, как академика! С детского сада в головы советских детей

вдалбливали истину: «Все профессии важны, все профессии нужны». И кем бы ты ни был – всё равно будешь важным и нужным. И не было у людей желания «прыгать выше головы», особенно когда всё равно – «не прыгнешь». Не так как сейчас... Моя мама закончила техникум. Что-то связанное с архитектурой. Затем работала. А ведь училась в школе хорошо, даже чертовски хорошо. Но только техникум... А хоть и техникум – всё равно уважали! Мне так мама рассказывала, и не думаю, что она лукавила. У неё был достойный уровень жизни, друзья, подруги и... не было желания что-то менять. А зачем? Действительно, зачем? Да и что изменишь?

«Нам было очень тяжело жить! А вы – счастливые, вы горя не знали, которое у нас было. Войны не видели... Нам приходилось работать не покладая рук, чтобы на еду хватало», – такие слова часто говорила моя бабушка. Она родилась в 1926 г. Когда началась война, ей было всего 15. Тем не менее, она помогала партизанам. Уже в пожилом возрасте бабушке пришлось ощутить на себе все последствия развала Советского союза: голод и повсеместную разруху. Думаю, её слова в адрес молодых легко можно понять. Проблемы, которые были у неё в 15 лет, не идут ни в какое сравнение с нынешними проблемами. Теперь девочки в «15» льют крокодильи слёзы из-за разбитого сердечка либо из-за плохой оценки в школе. А в то время рыдали из-за убитых родных, из-за того, что нечего кушать. Многие мои соотечественники в 25 лет изнывают от нехватки свободного времени – работа, видите ли, и зарплата низкие. Во времена моей бабушки люди

работали целыми днями, а потом ещё дома ждала работа, и «пятеро детей прокормить как-то надо».

Многие, кому сейчас по «60», с нежностью хранят советские традиции, пытаются вложить их в головы подрастающему поколению. Хотя нет... Не все. Есть исключения. Так что эту тему можно не продолжать. Начнём другую, основанную на разговорах с моей мамой, Надеждой.

Мама родилась в 1956 г. в многодетной семье. Тогда почти все семьи были многодетные – не то, что сейчас. После 10 классов она отучилась на закройщицу. Сравнивая свою студенческую жизнь и мою, мама недоумевает – в кого я пошла?

Она рассказывала: «В Советском союзе студенты целыми днями учились, а когда учёба завершалась, проводи-

лись разные мероприятия, в которых мы всегда участвовали. Не оставалось времени на другие занятия. Каждые выходные мы ехали домой. Дома тоже работали без передышки, старались помочь родителям».

Сравнила свою нынешнюю жизнь с мамой. Испугалась. Всё настолько разное... Сам факт того, что студенты безвылазно сидели в учебных заведениях и ничем не занимались, кроме учёбы, меня поражает и пугает. Я учусь в университете. У меня 2 основных хобби, на которые я трачу большую часть времени. А если бы я жила в то время?

В разговоре про учёбу мама упомянула то, что образование в Советском союзе было бесплатным. Студента могли отправить на отработку в любую из 15 республик СССР. В общем, так случилось и с моей тётёй, папиной родной сестрой. После окончания Горьковской академии, её отправили работать во Владимирскую область, где она нашла себе мужа. Сейчас она живёт и работает в Нижнем Новгороде.

В наше время отношение к распределению у студентов другое. Да и отношение к работе иное. Я как-то спросила маму: «Нравилась ли ей работа?». Она мне ответила: «Ну, как нравилась? Нужно было работать, и всё! Нужно было зарабатывать на жизнь!». Насколько я знаю, в Советском союзе был такой подход: «все работы хороши». Все профессии ценились. Может быть, поэтому было такое отношение к выбору работы? Сейчас большинство молодых людей относятся очень серьёзно к выбору профессии и месту работы. Обязательным фактором является то, чтобы работа нравилась, а не только приносила прибыль.

Мама проработала около 30 лет закройщицей и швейей. И почти всё время на одном и том же месте. В Советском союзе не принято было менять место работы: «Пришёл – и всю жизнь работай на одной работе. Тогда – почёт и уважение. Каждому сотруднику выплачивали стаж. «А теперь что? Придумали контракты. Работу трудно найти. В СССР работы всегда всем хватало, и зарплаты стабильно выплачивались».

Я родилась в 1995 году и про советское время не слышана. У меня есть бабушка и дедушка – все в здравии. Почему же я не знаю о их жизни? Может, я просто эгоист, и не хочу знать? Может, мне просто нравится настоящее время, и я не хочу погружаться в то прошлое, в котором не было меня? Странно, наверно, думать о том, что раньше было лучше. Я считаю, что самое лучшее время то, в котором я живу сейчас. Мне кажется, что я просто не смогла бы жить в то, советское, время. Моей бабушке – 65 лет, и я часто

слышу от нее: «А вот раньше... А в наше время...». По её словам, раньше дни были светлее, еда вкуснее, а трава зеленее, как бы банально это не звучало. Сейчас самая болезненная тема – это деньги. Люди привязаны к своим кредиткам. За все в жизни приходится платить. Светлана Алексиевич называет советское время «секенхендом», говоря о том, что это время «выброшенное», сравнивает его с грязным тряпьем. Вот честно: если бы моя бабушка это услышала... По рассказам моей семьи, мы жили как обычные люди: у нас был свой дом в городе, небольшой домик в деревне. Да и сейчас мы живем хорошо. Но мои бабушка и дедушка хотят вернуть то время, хотят вернуться в СССР. Но то время ушло – нужно жить настоящим.